

Зейнеп Орал

Харран — сердце моё!

Харран я знаю давно. Но слово «знаю» здесь, пожалуй, не подходит. Разве можно сказать «знаю такую-то местность», если не побывал там, не видел людей, её населяющих, не поговорил, не погоревал, не посмеялся с ними. Но теперь я в Харране и, как следовало ожидать, сразу же в него влюбилась.

Если вы думаете, что дорога из Урфы в Харран покрыта асфальтом, то сильно заблуждаетесь. На дворе 1984 год, и, как уверяют наши руководители, мы «совершаем скачок в грядущий век»¹, а добротной дороги как не было, так и нет. Уже давно трудимся над реализацией грандиозной программы «Плотина Ататюрка»², но света в конце «урфийского тоннеля» по-прежнему не видно. Хотя известно, что люди, которые связывают все свои надежды с этой стройкой, трудятся не покладая рук.

Едем по узкой просёлочной дороге, поднимаем клубы пыли. Яркий свет слепит глаза. С усилием начинаю привыкать к белому солнцу, к разливающейся под его лучами белизне и постепенно понимаю, что едем по равнине, у которой нет ни конца, ни края. Спрашиваю случайных попутчиков – урфийцев: «Что это белое во круг»? Те долго смотрят на меня с удивлением. Понятно: местные привыкли, не замечают ни раскалённого солнца, ни этой странной белизны.

Наконец слышу краткий ответ: «Ничего белого тут нет. Это Харранская долина».

Харранская долина – по теперешнему «Алтынбашак»³. У нас любят менять названия. Пять тысяч лет была «Харанская долина» а с 1973 г. стала «Алтынбашак». Но беда в другом: эта бескрайняя плодородная, воистину султанская земля томится от иссушающей жажды. Напоить её вволю – и она ответит не спутанными низкорослыми посевами, а поднявшимися в человеческий рост колосьями.

Зейнеп Орал – турецкая журналистка, ведущая колонки в газете «Джумхуриет», автор 16 книг. «Харран – сердце моё!» – глава из книги очерков «Этот рай. Этот ад» (2001), написанной Зейнеп Орал в результате поездки по окраинам Восточной Анатолии.

Пересекая Харранскую долину, то есть «Алтынбашак», пытаюсь воскресить в памяти свои скромные познания в истории этой земли. Вспоминаю: согласно энциклопедии, «харран» означает «дорога», «проход». Но с кем бы ни обсуждала этот вопрос в Урфе и её округе, все в один голос твердили, что «харран» значит «плодородный». Вспоминаю также, что Харран, как название местности, встречается в клинописных текстах III тыс. до н.э. Там следили за движением небесных светил – звёзд, Солнца, Луны, увлекались математикой, медициной, создавали литературу. Сохранились следы древней языческой культуры той поры, о ней напоминают развалины храма Богу Луны – Сину.

В стародавние времена город Харран играл важную роль в великих государствах – Ассирии и Вавилонии. Библия гласит, что в Харране жил сам пророк Ибрахим⁴. Этой землёй владели митаннийцы, скифы, римляне, персы, парфяне, мидяне, сасанидский Иран, арабы, сельджуки. По

ней прошли армии крестоносцев, полчища монголов и Тимура. А в XVI в. при султানে Селиме I она была присоединена к империи Османов.

Просёлочная дорога кончилась. Передо мною Харран: разрушенная крепость времён арабского господства, развалины медресе, известного как Харранский университет, руины древней обсерватории, а ещё *куббе* – жилища с куполообразным верхом, не претерпевшие ни малейшего изменения за многие сотни лет. Деревня бедная, но притягательная благодаря своей истории и самобытности.

Ежедневно сюда прибывает не менее трёх автобусов с туристами. Однако ни отеля, ни, извините, туалета для них нет. Им негде отдохнуть и выпить стакан воды. Случалось, ночь коротали в местном отделении жандармерии.

Поскольку все эти обстоятельства мне были хорошо известны, я не собиралась проводить здесь не то что ночь, но даже и полдня. Поэтому ещё в Урфе и в Акчакале к каждому встречному-поперечному обращалась с вопросами. Ответ был один: «Найди Махмут-бея, об остальном не думай».

Я и не думала. Нашла Махмут-бея. Не успела и слова вымолвить, как тот произнёс: «Будешь моей гостьей» и распахнул ворота. Ворота ещё не затворились, а меня уже окружило несметное количество разновозрастных детишек и не меньшее число разновозрастных женщин. При этом все как в рот воды набрали. Молчали – потому что не все знали турецкий язык, а те, кто знали, стеснялись говорить.

Потом битый час бегали, сновали между тремя домами и *куббе*, расставленными по краю двора. Потом принесли и уносили бесчисленные медные подносы с едой – одна вкуснее другой. За столом робость мало-помалу начала таять, а благодаря малозаметному руководству жены Махмут-бея Нарра-ханым (так и хочется назвать её «Королева-мать») улеглось и волнение.

Первыми освоились и заговорили дети. Они пояснили: Нарра – по-турецки Нурие или Незихе, а если очень уважительно, то – Незош.

Потом наступил черёд рассказов. Говорила Нарра-ханым, говорила по-арабски, категорически отказываясь верить, что мне неведомы ни арабский, ни курдский.

Потом чай, айран, сигареты и всё новые и новые гости: дочери, невестки с грудными младенцами и детьми постарше. На каждой слой шёлковой одежды: по три – четыре присборенные юбки разного цвета с золотистой каёмкой по низу, головные платки, расшитые цветными нитями, пёстрые шали – всё движется, колышется, переливается яркими красками.

Можно не сомневаться в том, что эти высокие, стройные, сероглазые брюнетки с неизменными золотыми зубами, поражающие умением носить пусть не новую, даже потёртую одежду вместе с обильными украшениями – золотыми браслетами, серебряными ожерельями-*гердане* и *хызмой* – блестящей бусинкой в крыльях носа, – способны дать сто очков вперёд натренированным моделям подиума.

Долгая беседа велась с помощью «переводчиков». Их роль исполняли дети⁵, главным образом Фатма – девочка лет одиннадцати. В деревне её называют «Наша Адиле Нашит»⁶. Поняли, да? В деревне есть электричество и телевидение.

Из этой беседы я узнала, что калым за невесту составляет примерно два – три миллиона лир⁷, очень бедные могут обойтись и пятью тысячами; светлолицые невесты стоят дороже, а смуглянки – дешевле. Размер калыма в каждом племени свой. Если отец невесты – человек хороший, он все деньги отдаст молодым, если нет – эти деньги им и понюхать не дадут.

Узнав, что за меня не было получено и пяти курушей⁸, Нарра-ханым, её дочери, невестки, племянницы крайне огорчились, а дети – те просто не поверили.

Разговор вертелся, крутился и остановился на отношениях мужчины и женщины. Заговорили о любви, что слаще мёда, горше полыни и опасней яда. К слову припоминали и анекдоты. Короче, было ясно, что женщины любого уголка мира похожи друг на друга и, собравшись, могут обсуждать любые вопросы.

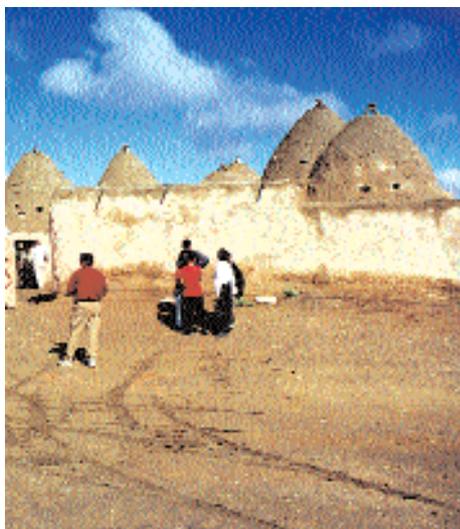
Поздно вечером на кушетках, стоявших во дворе, расстелили пёстрые одеяла. Кушетки – это высокие, обнесённые решётками двухметровые по длине и ширине металлические или деревянные кровати. Летом они ставятся во дворе или на плоской крыше дома.

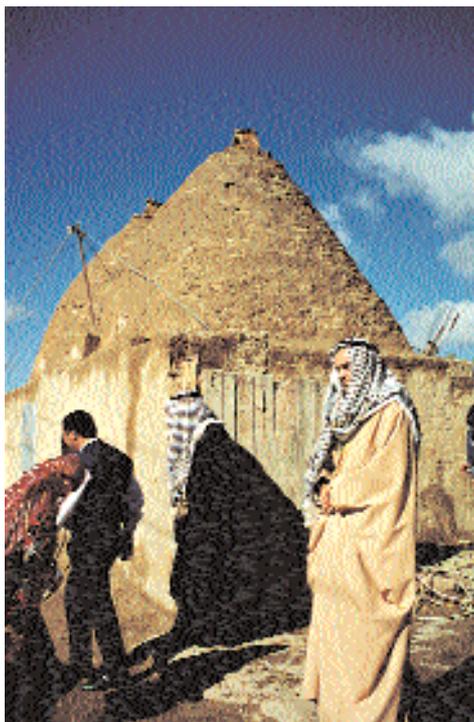
Наконец все улеглись, но ещё долго не смолкали шутки, смех и плач детей. На одной из таких кушеток, свернувшись клубочком среди вороха расшитых подушек, я уснула рядом с невесткой Джамуль и её двумя детьми.

Проснулась, когда солнце уже давно взошло. В доме кроме меня и детей никого не было. Все женщины – дочери, невестки ушли работать в поле. Хотя накануне вечером, глядя на меня, с завистью говорили: «Ты счастливая, у тебя работа есть, а у нас работы нет, мы ведь не работаем».

Решила, что завтра непременно встану со всеми вместе. Проснулась с первыми лучами солнца и ... опять опоздала. Женщины уже поднялись, истопили печь, испекли хлеб, подоили коров, приготовили завтрак, накормили детей и собирались в путь-дорогу.

Все последующие дни проходили так же, как и первые два. Я выходила на улицу с детьми, двоих вела за руки, трое цеплялись за мою юбку. В мгновение ока наша группа увеличивалась до двадцати – двадцати пяти человек. Каждый ребёнок старался завлечь меня в свой дом. Стоило оказаться возле дверей жилища, как кто-нибудь

из них, обращаясь к своим домашним, кричал что-то по-арабски или по-курдски. Меня тут же приглашали войти.

В эти часы в деревне оставались только престарелые женщины. Пока я с ними беседовала и пила чай стакан за стаканом, дети дружно играли у порога. Не осталось ни дома, ни *куббе*, в котором мне не довелось бы побывать.

Я уже упомянула *куббе*. Это дошедший до нас из глубины веков тип жилища, снаружи узкого, внутри просторного, окон в нём нет, на самой макушке – отверстие для света и дыма. Складывается оно из высушенного на солнце кирпича – смеси земли и камня.

В наши дни *куббе* приспособливают под склады, кухни, туалеты. Но есть умники, которые соединяют пять-шесть *куббе* и используют их традиционно, как жилое помещение, достоинство которого состоит в том, что зимой оно тёплое, а в летнюю пору прохладное.

Строить новые *куббе* харранцы не могут, даже если и очень захотят. Запрещено трогать камни, сдвигать их с места, потому

что район Харрана из-за особенностей природы, истории и наличия архитектурных памятников объявлен заповедной зоной. При этом не учитывается, что население района непрерывно растёт, что в одном доме ютятся по три – четыре семьи. А семья, напомним я вам, – это, как правило, пятнадцать– двадцать душ.

Харранцы сетуют:

– Туристы приезжают, им негде голову приклонить. Конечно, мы открываем им двери наших домов, угощаем чаем, айраном. Жара в наших краях тебе известна. Человеку здесь никак не обойтись без отдыха в прохладе. Приезжать-то приезжают, а вот, уезжая, и пяти курушей в деревне не оставляют.

– Нет, чайную или кофейню открыть не можем. Власти не позволяют. Что ты! Как можно? Если пригласил туриста в дом, чтобы он от жары укрылся, да угостил его чаем, айраном, то какой же он после этого турист – он гость, *конук*. Хозяину легче умереть, чем деньги с него взять.

Подшло время отъезда. Да только уехать из Харрана не так-то просто. «Побыла десять дней, ещё побудь, мы так привыкли друг к другу».

Никакие логически выстроенные объективные доводы: дом без присмотра оставила, на работе ждуг, слово людям дала, обещала – не воспринимаются как серьёзный повод для отъезда. Единственное, что в миг сломало их упорство, – это упоминание о детях: «Я по ним соскучилась и они по мне тоже».

Тут вся деревня всполошилась, словно всеобщую мобилизацию объявили. Кинулись искать транспорт, который довёз бы меня до Урфы. Поиск и прощание длились три дня. Снова в каждом доме и в каждом *куббе* были выпиты чай и айран, а также приняты подарки, выслушаны советы и наставления.

Запомнилось, как Фатма, обнимая меня, что-то тихо прошептала. Я попросила её повторить погромче.

– Хочу задать тебе вопрос, но может это неудобно.

– Говори, не стесняйся.

– Чем ты мажешь лицо?

– Ничем, а почему ты спрашиваешь?

– Говорят, вы, турки, чем-то мажетесь и оттого у вас такие белые лица, – пролепетала девочка, преодолевая смущение.

Я обняла её и, как могла, объяснила, что привлекательность женщины не зависит от цвета её лица, будь он светлым или тёмным.

Встал вопрос о транспорте. Самое простое – позвонить в Урфу и вызвать такси. Но кто же здесь с этим согласится? «Что значит позвонить в Урфу, вызвать такси и заплатить деньги!» Говорю: «Деньги платит газета». В ответ слышу: «Стыдно перед газетой. Что газета подумает о харранцах, которые не смогли довезти тебя до Урфы как положено».

Судили, рядили, искали. Наконец нашли некоего Сблиха, родственника одной харранской семьи по линии дяди отца. Этому Сблиху в наследство достался «форд», старый, «но крепкий, как лев-арслан».

Последние прощания, последние советы – и вот уже харранцы, долго махавшие нам вслед, исчезли из вида.

Поднимая пыль, катим с Сблихом в сторону Урфы. Так называемый «форд-арслан» того и гляди заглохнет. В час накручивает не больше тридцати километров. Внезапно Салих обрывает нашу грустную беседу. Что-то привлекло его внимание на дороге. Был момент, когда мне даже показалось, что «форд-арслан» встал на дыбы. Вот тогда я поняла, что Салих пытается догнать какую-то машину, он от души жмёт на газ, жмёт, жмёт, но «форд-арслан» скорости не прибавляет.

– Салих, что происходит?

– Как что? Не видишь машину перед нами? Она только что обогнала нас.

– Ну и бог с ней, пусть обгоняет. Какое это имеет значение?

– Что значит «какое имеет значение»? Разве ты не заметила, что её номер 34, – простонал Салих, и тут же сник. Видимо понял, наконец, что его старому «форду-арслану» этой машины не догнать.

Когда я пыталась мысленно уловить связь между номером 34 и жгучим желанием Салиха догнать машину, до моего слуха донёсся голос этого парня, он едва сдерживал слезы: «Они же из твоего края. Десять дней ты была с нами, вдали от дома. Я думал, ты поговоришь с ними, узнаешь что-нибудь о детях».

Хотелось обнять и расцеловать Салиха. Сделать этого я, конечно, не могла, но и забыть не могу, как один из замечательных людей Харрана был уверен в том, что долго отсутствовавший дома стамбулец, повстречав случайно в пути другого стамбульца, непременно сможет узнать от него новости о своей семье.

Светлана Николаевна Утургаури – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН.

На востоке Турции лежит нагорье, где плато и горные хребты вьются до 4–5 тыс. м, сочетаются с глубокими ущельями впадинами и долинами. Турки называют его Восточно-Анатолийским. Ряд отечественных географов, исходя из того, что коренными жителями этой местности были армяне и курды, именуют его Армяно-курдским. В силу сложности рельефа живущие здесь курды и сегодня с трудом поддерживают связь с остальным миром.

Южнее нагорья расположена турецкая часть Сирийско-Месопотамского плато – слегка приподнятая над уровнем моря (500 м) равнина с небольшими возвышенностями. Главная географическая особенность этого региона определяется двумя реками – Тигром и Евфратом, которые берут начало высоко в горах, питаются горными реками и, выйдя за пределы гор, мощными потоками устремляются в разных направлениях.

Захудалая, на первый взгляд, деревушка, которую с большой симпатией описывает турецкая журналистка Зейнеп Орал, расположена на левом берегу Евфрата, как раз между этими двумя реками, на земле, именуемой Северной или Верхней Месопотамией.

Месопотамия – не только географическое понятие, но и название одной из величайших мировых цивилизаций, сложившейся между Тигром и Евфратом (в Междуречье), и области, к ним прилегающей, в IV тыс. до н.э. Её создателями учёные считают не только шумеров и аккадцев, но и тех, кто был на этой земле до них и после них.

Разрушенные архитектурные памятники, которые упоминает Зейнеп Орал, – молчаливые свидетели того, что на месте деревушки некогда располагался город. Город действительно был, и деревушка сохранила его название – Харран. Рассказать подробно о прошлом Харрана – всё равно, что описать историю всей Месопотамии. Но некоторые исторические факты, связанные с публикуемым очерком, отметить следует.

Упоминание Харрана учёные впервые обнаружили в хеттских клинописных документах II тыс. до н.э., найденных на территории Турции при раскопках в Богазкейе – некогда резиденции хеттских царей. Упомянут Харран и в библейской Книге Бытия. Из неё мы узнаём, что связь предков библейских кочевых племён с Верхней Месопотамией нашла отражение в именах легендарных родоначальников – Серуг, Нахур и Харран, ставших затем названием хорошо известных месопотамских местностей.

Согласно довольно сложной и путаной легенде, детально изученной исследователями, внуком Харрана оказывается Авраам, который некоторое время жил в городе, носящем имя деда. В Харран он переселился с отцом и двоюродным братом Лотом из города Ур в Нижней Месопотамии. После смерти отца Авраам вместе с Лотом

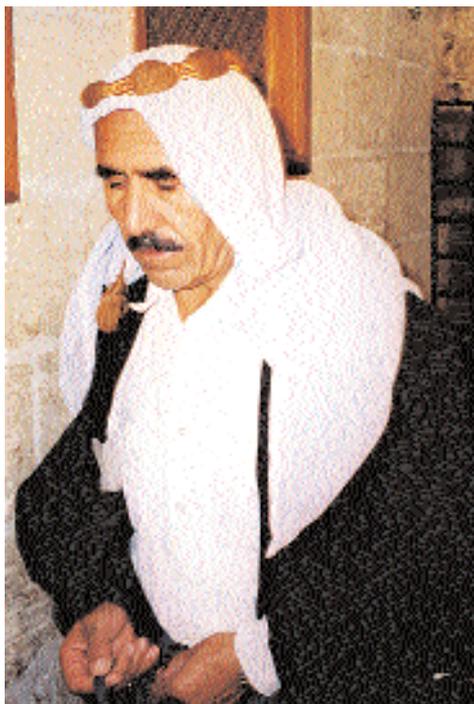

ушёл в Палестину, затем, отказавшись от оседлой жизни, кочевал с роднёй между центральной частью Палестины и границами Египта, а Лот обосновался к югу от Мёртвого моря в якобы существовавших здесь, но погибших от божьего гнева городах Содоме и Гоморре.

События, разыгравшиеся позже, привели в Харран внука Авраама Иакова (Израиля). Иаков – в ветхозаветном предании патриарх, легендарный родоначальник «двенадцати колен Израиля», объединившихся впоследствии в племенной союз.

Еще в III тыс. до н.э. Верхнюю Месопотамию заселили хурриты, родственные урартам. Они создали сильное государство Митанни, которое после битвы под Харраном во второй половине II тыс. до н.э. подчинили хетты. Затем бывшая территория Митанни перешла в руки Ассирии. Оказавшись под началом ассирийского царя, Харран не уступал по значению самым крупным городам государства. К тому же он был центром караванных путей из Вавилонии в Малую Азию, Сирию и Египет.

Клинописные таблички II–I тыс. до н.э. содержат сведения, которые в совокупности показывают, что Харран, как и столица Ассирии Ашшур, пользовался определёнными привилегиями и был освобождён от ряда царских повинностей.

В последний период своего существования (556–539 до н.э.) могущественной Ассирийской империи пришлось воевать не только с вавилонянами, но и с мидянами, спустившимися с Иранского плато. Части ассирийской армии некоторое время продержались в Харране. Там же находился и царь Ассирии. Но история этого могущественного государства была уже завершена. Снова возвысилась Вавилония.

Последний вавилонский царь Набонид (VI в. до н.э.) был уроженцем Харрана. Память о Набониде жива и сегодня – и не только благодаря сохранившимся руинам храма богу Сину, возведённому в Харране в период его царствования. Набонид вступил, так сказать, в конфессиональный конфликт, отдав предпочтение богу Сину и его храму в Харране, в то время как покровителем Вавилонии считался другой бог – Мардук, храм которого возвышался в столице государства – Вавилоне. Кроме того, Набонид не сумел организовать сопротивления войскам персидского царя Кира, что привело к гибели Вавилонии и лишило Месопотамию политической самостоятельности.

Документальные свидетельства, добытые археологами, позволяют реконструировать и повседневную деятельность обитателей этих земель. Оказывается, здесь были развиты ремёсла, медицина, астрономия, были известны некоторые закономерности движения планет, которые астрономы выражали в математических формулах. Обсерваториями служили хра-

мовые башни. Здесь разводили сады и огороды, сеяли ячмень, пшеницу, просо, варили пиво, изготавливали сезамовое масло. В строительстве применяли сырцовые кирпичи. Обнаруженные следы оросительной системы свидетельствуют о таланте и изобретательности её строителей.

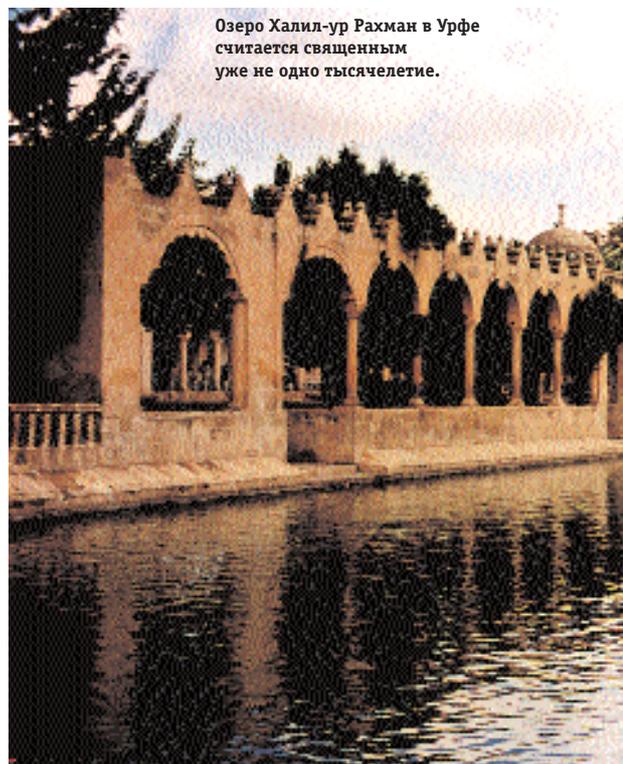
Извлечённое из холма Султантепе на Харранской равнине значительное собрание текстов указывает на знание письменности, более того – на литературные способности представителей древней цивилизации, сочинявших басни, религиозную и любовную лирику, военные песни и гимны в честь городов, правителей и бога Сина.

Со временем на земле Верхней Месопотамии стало преобладать иранское влияние. Киммерийцы, мидяне, скифы, парфяне, Сасанидский Иран, следуя друг за другом, захватывали, подчиняли и заселяли их.

Учёные полагают, что воздействие языка и культуры иранцев, фильтрация древнеиранских племён в горные области, видимо, привели к образованию ещё одного родственного иранцам этноса – курдов.

Ранняя история курдов почти неизвестна: отсутствуют письменные источники, а свидетельства материальной культуры весьма скудны, к тому же и противоречивы.

Существует предание, будто все племена курдов ведут происхождение от двух братьев Бохта и Баджана – родоначальников племён Бохти и Баджнави. Можно

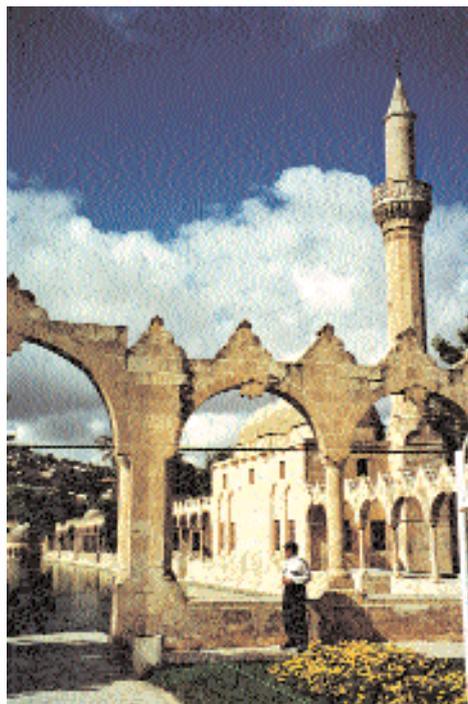
Озеро Халил-ур Рахман в Урфе считается священным уже не одно тысячелетие.

предположить, что дальними предками курдов были кардухи, о которых пишет античный историк Ксенофонт, участник военного похода греков (401 до н.э.) через территорию нынешнего Турецкого Курдистана. Некоторые источники сообщают о куртиях в этих краях. Есть и другие предположения.

Достоверно известно, что когда в VII в. н.э. земли Верхней Месопотамии захватили арабы, они встретили курдов уже сложившимся народом со своим языком и культурой. От той исторической поры сохранился памятник курдской культуры – поэма о борьбе с арабскими завоевателями, записанная арамейским письмом; фрагменты поэмы обнаружены в г.Сулеймание (Ирак) на куске пергамента.

В годы господства Аббасидов в Харране появилось первое теологическое училище (медресе), которое считается первым исламским университетом.

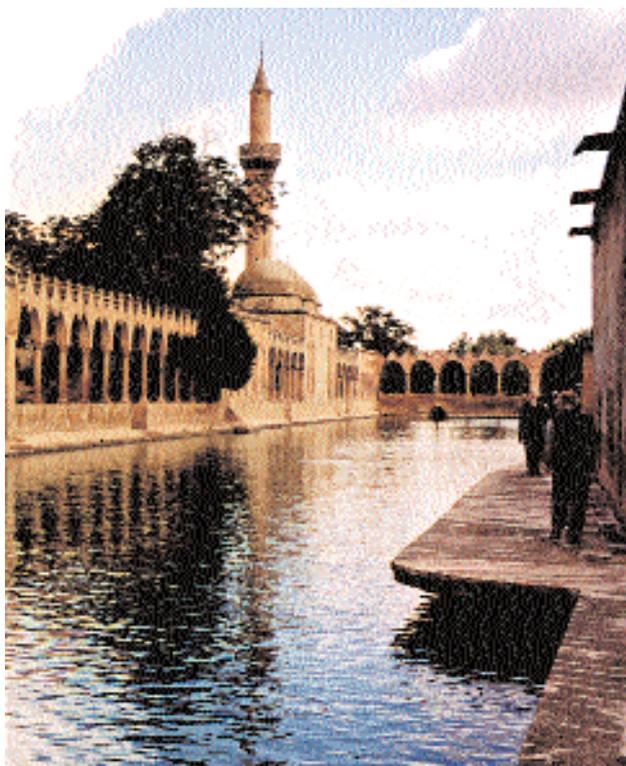
Нашествия разных народов продолжались вплоть до XVI в. Свой след оставили здесь древние римляне. Длительное время регион находился под властью тюрок-сельджуков, пришедших из Центральной Азии и создавших огромное государство Великих Сельджукидов. Побывали здесь и отряды христианских рыцарей-крестоносцев, которые основали Эдесское графство с центром в Урфе (греч. Эдесса) – один из оплотов против мира ислама.

Опустошали край монголы-чингизиды. (Именно в то злое время город Харран ушёл в небытие). Пронеслись полчища «Железного хромца» Тимура. Какое-то время эти земли считались частью владений могущественного государства огузо-туркменских племён Аккоюнлу. Начало его падению (1473) положил Мехмет II – завоеватель Константинополя и завершили иранские сефевиды. Наконец наступило время, когда противостояние иранского шаха Исмаила и османского султана Селима I Явуза (Грозного) переросло в военное столкновение (1514), в результате которого к Османской империи были присоединены некоторые районы Восточной Анатолии с г. Эрзерумом, северная часть Ирака с г. Мосулом и большая часть Курдистана.

Регион, который на протяжении длительного исторического времени являл собою зону взаимодействий и столкновений различных культур, религий и народов, имел чрезвычайно пёстрый этноконфессиональный облик.

В период османского завоевания здесь монотеистические религии (ислам, христианство, иудаизм) сосуществовали с остатками древнеязыческих верований. Турки и курды соседствовали с арабами, армянами, греками, евреями, арамейскими ассирийцами (на территории Сирии, вблизи границы с Турцией и сейчас есть сёла, жители которых говорят на арамейском языке).

Курды сохраняли исконно курдскую йезидскую веру – сложное переплетение древнеиранского зороастризма с иудаизмом и христианством.

Привнесённая мусульманская религия не посягала на их законы, обычаи и традиционные ценности, но сулила максимум социально-политического комфорта. Со временем курды вошли в мир ислама, став суннитами – как турки, или шиитами – как иранцы. Лишь малая часть осталась верна традиционному вероисповеданию. При этом они в полной мере сохранили свой язык, который относится к иранской группе индо-европейской семьи и имеет много диалектов. Большинство курдов двуязычно, а то и многоязычно. Дети Харрана владеют тремя языками – курдским, арабским и турецким, на котором они учатся в школе.

Курдский этнос, хотя и не обрёл государственности, сохранился в длившихся веками политических коллизиях. Устойчивости его идентичности способствовало не только сохранение языка и этнокультурного пространства – Курдистана, оказавшегося волею истории в пределах четырёх государств: Турции, Ирана, Ирака

и Сирии. Значительную роль сыграла психология курдов, базовая основа которой – свободолюбие, непокорность чужому диктату, а также приверженность родо-племенной структуре. Любой взрослый курд точно знает свою родословную до самого дальнего колена.

С недавних пор часть Харрана стала этнографическим музеем. Харранцы переселены в новые дома, выстроенные рядом. С завершением «Проекта Юго-Восточная Анатолия» край преобразился. Мощная оросительная система оживила природу, поднялись посевы, появились промышленные предприятия.

Популярность Харрана-музея растёт. Этому способствует продуманная туристическая инфраструктура и прекрасная шоссейная дорога, соединившая Харран с Урфой.

Так что за двадцать лет, прошедших со времени, когда Зейнеп Орал приезжала в Харран, там произошло много перемен. Но образ жизни харранцев, их законы, обычаи, характер остались прежними.

Фото Неджета Айдогана и Сергея Корицкого.

Примечания

¹ Имеются в виду неоднократные высказывания Тургута Озала, премьер-министра (1983–1989), затем, вплоть до кончины в 1994 г., – президента Турции.

² «Плотина Ататюрка» – одно из крупнейших гидротехнических сооружений в рамках «Проекта Юго-Восточная Анатолия», который предусматривает использование вод Евфрата в целях комплексного экономического развития региона.

³ *Алтынбашак* (турецк.) – Золотой колос.

⁴ *Ибрахим* – библейский Авраам.

⁵ Дети учатся в школе на турецком языке.

⁶ *Адиле Нашит* (1930–1987) – известная турецкая комедийная актриса театра и кино. На телевидении вела детскую передачу «Перед сном» – аналог «Спокойной ночи, малыши».

⁷ Имеется в виду курс лиры середины 1980-х гг.

⁸ *Куруш* – мелкая турецкая монета.

Перевод и примечания С.Н. Утургаури.

